

Научная статья

УДК 001.3

DOI: 10.35854/2219-6242-2023-4-586-595

Безопасность как синтетическая научная категория

Алексей Валерьевич Далинин^{1✉}, Вадим Дмитриевич Кучеров²,
Олег Игоревич Окунев³

^{1, 2, 3} Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики,
Санкт-Петербург, Россия

¹ marchenkovspb@mail.ru✉

² vadimkuchеров@mail.ru

³ o.oleg.i90@mail.ru

Аннотация. В статье проанализированы основные концепции (школы) безопасности, представленные в литературе, и показано, что в их рамках формировалось разное понимание термина «безопасность». Утверждается, что на смену монореферентной модели Б. Бьюзена и бинарной системы безопасности государства и общества О. Вейвера приходит понимание триады безопасности, организованной от государства до человека через общество. Тем самым, согласно авторской позиции, переосмысленная концепция безопасности учитывает не только государства и их соответствующие отношения, но также отношения между личностью, обществом и государством, их пересекающееся восприятие угроз, которые стали многообразными и разнонаправленными. Соединение этих подходов обогащает наше понимание безопасности, приводит к выводу о том, что безопасность сегодня — это комплексная (синтетическая) научная категория, являющаяся теоретико-методологической основой познания и выделения ряда родовых понятий: «национальная», «общественная», «экологическая» и иная безопасность. По мнению авторов, необходимо концептуализировать понятие «безопасность», рассматривая его как систему рационального управления страхами и угрозами (посредством мер различного характера, определенных в нормативных правовых актах для каждого сектора и референтного объекта, последовательно реализуемых государственными и негосударственными акторами.

Ключевые слова: безопасность, экологическая безопасность, личная безопасность, виды безопасности, уровни безопасности

Для цитирования: Далинин А. В., Кучеров В. Д., Окунев О. И. Безопасность как синтетическая научная категория // Социология и право. 2023. Т. 15. № 4. 586–595. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-4-586-595>

Original article

Safety as a synthetic scientific category

Alexey V. Dalinin^{1✉}, Vadim D. Kuchеров², Oleg I. Okunev³

^{1, 2, 3} St. Petersburg University of Management Technologies and Economics,
St. Petersburg, Russia

¹ marchenkovspb@mail.ru✉

² vadimkuchеров@mail.ru

³ o.oleg.i90@mail.ru

Abstract. This paper the main concepts (schools) of security presented in the literature were analyzed, and it is shown that within their framework a different understanding of the term “security” was formed. It is noted that the monoreference model of B. Buzen and the binary

© Далинин А. В., Кучеров В. Д., Окунев О. И., 2023

security system of the state and society of O. Waver are being replaced by an understanding of the triad of security organized from the state to the person through society. Thus, the rethought concept of security takes into account not only States and their respective relationships, but also the relationship between the individual, society and the State and their overlapping perceptions of threats, which have become diverse and multidirectional. The combination of these approaches enriches our understanding of security, leads to the conclusion that security is now a complex (synthetic) scientific category, which is the theoretical and methodological basis for cognition and identification of a number of generic concepts: “national”, “public”, “environmental” and other security. According to the position of the authors, it is necessary to conceptualize the concept of “security” and consider it as a system of rational management of fears and threats (through various measures specifically defined in regulatory legal acts for each sector and reference object, consistently implemented by state and non-state actors.

Keywords: safety, environmental safety, personal safety, types of safety, levels of safety

For citation: Dalinin A.V., Kucherov V.D., Okunev O.I. Safety as a synthetic scientific category. *Sociology and Law. 2023;15(4):586-595.* (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-4-586-595>

Введение

Термин «безопасность» в современном мире присутствует повсеместно. В средствах массовой информации (СМИ), бытовом общении, нормативных правовых актах речь идет об индивидуальной, информационной, экологической, транспортной, трудовой безопасности, безопасности дорожного движения, безопасности пищевых продуктов и т. д. Мы говорим о потребности в безопасности, стремлении к безопасности. Слово «безопасность» кажется очевидным, интуитивно понятным. Вместе с тем, как справедливо полагает Д. В. Ирошников, реальное обеспечение безопасности социума должно базироваться на надежной обоснованной теоретико-методологической концепции [1, с. 8].

Несмотря на значительное количество теорий, идей и мнений, до сих пор общепринятого определения термина «безопасность» не выработано. Проблемы, связанные с трактовкой указанного понятия, обусловлены нечеткостью определения видов и сущности угроз (изменения в международной среде, описываемые термином «глобализация», все больше смещают внимание к невоенным угрозам), неконкретностью перечня референтных объектов (государств, социальных групп, индивидов, транснациональных организаций и др.), а также разногласиями относительно адекватного ответа (меры) на угрозу.

В течение продолжительного времени под влиянием реалистического видения мира складывалось понимание безопасности как вопроса о выживании и предположении экзистенциальной угрозы. Сведенный к проблемам защиты и обороны вопрос безопасности считали привилегированным объектом оборонных и стратегических исследований. Эта традиция сохранялась в период после двух мировых войн и во время биполярности. Однако с конца 70-х гг. XX в. явления глобализации и транснационализации породили необходимость поиска новых подходов к пониманию безопасности. В книге «Люди, государства и страх», впервые изданной в 1983 г., Б. Бьюзен утверждал, что безопасность не ограничивается национальной безопасностью (или государственной безопасностью), а распространяется на новые области, объекты и сектора.

Сегодня существует множество работ, направленных на формирование пост-реалистического, постструктуралистского, постмодернистского подхода к безопасности как российских, так и зарубежных авторов. Среди них — М. Михалки,

Р. Коэн, К. Бут, В. Джонс, Б. Бузан, О. Вейвер, С. В. Додонова, А. Ю. Галяметдинова, Ю. В. Игнатов, Н. Н. Емельянова, В. А. Ларин, Д. В. Ирошников, И. А. Лазарев, А. С. Прудников.

В настоящей статье на основе историко-правового и сравнительно-правового методов, анализа и теоретического осмысления существующих подходов к пониманию безопасности уточним содержание понятия безопасности и рассмотрим классификацию ее видов на современном этапе развития научной мысли.

Теория

Философские и политические дискуссии о том, что означает слово «безопасность», продолжают со времен Древнего Рима и Греции. В зависимости от эпохи и авторов, безопасность рассматривали в контексте принципа самосохранения, права на жизнь (выживание), права на справедливость. Вместе с тем исследователи склонялись к тому, что безопасность прежде всего составляет сущность и обязанность государства [2, с. 21–22].

Таким образом, подход к пониманию государства как единственного гаранта безопасности для граждан, живущих в его границах, сложился исторически: на протяжении веков, от эпохи раннего Нового времени, от общественного договора Гоббса, созданного государственной монополией, насилию положившего конец состоянию «войны всех против всех», до позиции Дж. Локка, считавшего основной целью государства защиту естественных прав людей (государство легитимизовало свою деятельность и развитие через успешное обеспечение безопасности, внутренней и внешней). Соответственно, безопасность понимали в первую очередь на национальном уровне и определяли как защиту государственного суверенитета.

На протяжении большей части современной истории преобладало мнение о том, что угроза государственной безопасности практически всегда исходит от действий других государств. Следовательно, наращивание вооружений и альянсов считали главным средством для реализации государственных целей по защите национальной безопасности.

С 1974 г. общество постепенно приходит к осознанию того факта, что военная угроза больше не является единственной проблемой безопасности: проблемы, связанные с экологией, мигрантами, международным терроризмом и иными транснациональными преступлениями, риски ввиду развития научно-технического прогресса, нестабильности экономики в условиях глобализации также оказывают влияние на международную безопасность. Сочетание традиционного понимания военной природы угроз безопасности, источником которых служат агрессивные действия государств, с новыми межгосударственными угрозами, порождаемыми негосударственными акторами (международными террористическими группами, транснациональными религиозными движениями, международными криминальными синдикатами и т. п.), проблемами, порождаемыми глобализацией (прозрачностью границ, интернационализацией финансовой системы, экологическими проблемами, притоком мигрантов, размывающих коллективную идентичность), привели к появлению расширенной концепции безопасности, сторонники которой рассматривают безопасность с точки зрения оборонной политики не только от военной, но и иных видов угроз. Расширенная концепция безопасности — собирательный термин, устанавливающий новую архитектуру безопасности и вводящий ряд новых рамочных условий (различные области политики и общественной жизни; слияние внутренней и внешней безопасности и связанную с этим растущую интернационализацию; активное участие негосударственных субъектов).

70–80-е гг. XX в. характеризуются возникновением новых концепций безопасности. К ним отнесены многомерная безопасность (охватывающая невоенные сферы), безопасность на основе сотрудничества (безопасность как результат сотрудничества между государствами) или всеобъемлющая безопасность (безопасность заключается в поддержании независимости государства и его обществ с точки зрения их идентичности по отношению друг к другу) и др. В отличие от классического подхода, сосредоточенного на целостности национальной территории и защите государственных институтов от военной угрозы, в основе этих концепций находятся иные факторы: субъекты (к примеру, безопасность человека), форма угроз (к примеру, экологическая безопасность, социальная безопасность) и ответные меры (к примеру, невоенные коллективные действия).

Подходы к определению термина «безопасность» формируются в рамках различных концепций (школ) безопасности. Среди них — анализ Копенгагенской школы, Уэльской школы и Парижской школы. Представители двух последних школ объединились под названием «Критические исследования безопасности» и принадлежат к разным направлениям научной мысли: от неореализма (М. Айюб) до умеренного конструктивизма (Б. Кроуфорд) и постмодернизма (К. Бут). Они заявляют о том, что хотят порвать с классическим видением безопасности и представить широкий спектр тем, таких как права человека, развитие, гендерные исследования, эмансипация и т. д., подвергнуть сомнению связь между безопасностью и соответствующим ей политическим порядком.

Безопасность, согласно А. Вольферсу, можно трактовать как объективно (существует реальная угроза), так и субъективно (существует предполагаемая, потенциальная угроза либо страх угрозы, независимо от реальности ее существования). Объективистский подход к трактовке безопасности делает акцент, как указывает С. И. Чудинов, на «способности государства представлять угрозу другим или сдерживать врагов, основываясь на своих материальных возможностях» [3, с. 47], то есть в значительной мере оценивает уровень безопасности относительно возможностей военного противостояния. Субъективизм опирается на культурологические, социальные и психологические факторы: безопасность оценивают в контексте психологии страха и когнитивного восприятия человека и социальных групп состояния угрозы, манипуляторного воздействия идентичностью, проведения информационно-психологических атак, ориентированных на дестабилизацию общественной системы, строящейся на основе культурных и моральных ценностей.

Разделение безопасности на объективный и субъективный аспекты с развитием научной мысли признано недостаточным, и оно привело исследователей Копенгагенской школы к созданию теории секьюритизации в рамках дискурсивного подхода. Они утверждают, что рассмотрение безопасности с объективной точки зрения видится не вполне корректным, поскольку остаются неясными критерии оценки реальности угрозы, так как разные государства имеют разные пороговые значения, начиная с которых проблему рассматривают как угрозу. Исходя из этого, становится понятным, что объективный критерий оценки угрозы может привести к искаженным результатам. Вместе с тем безопасность определяют акторы, то есть по своей сути она является субъективным явлением. Однако понятие «субъективный» не в полной мере подходит для описания безопасности как сложного многопланового явления. Отрицательным моментом субъективизации служит тот факт, что действительность наличия угрозы для безопасности обусловлена внутренними социальными отношениями политического субъекта, определяющего безопасность. Таким образом, теория секьюритизации, пытаясь устранить указанные недостатки объективного и субъективного подходов, строится интерсубъективно и социально.

Секьюритизация — процесс, в котором посредством публичного речевого акта субъекта политической власти определенной проблеме присваивают статус так называемой угрозы, и она вводится в сферу, относящуюся к безопасности общества и государства, что позволяет легитимировать применение определенных мер (выходящих за пределы «обычной политики») для ее устранения. Секьюритизация вопроса означает удаление его из обычного политического дискурса и перевод в плоскость принятия срочного решения о применении исключительных мер. Однако, как считают сторонники дискурсивного подхода, решение об успешной секьюритизации принимает не спикер, а аудитория выступления по безопасности. Тем самым становится очевидным, что именно аудитория выступает основой дискурсивной власти («эпистемическим сообществом»).

Таким образом, Копенгагенская школа в рамках теории секьюритизации безопасность рассматривает как явление, существующее в рамках правового поля, поддерживаемое правом граждан (их коллективов) легитимировать предложенную властью проблему в качестве угрозы и в некоторой степени управлять международными политическими процессами. Феномен безопасности Копенгагенская школа предлагает исследовать вне разрыва от интересов человека, переводя безопасность с уровня безопасности государства (государство-центричная концепция, то есть человек отчужден от участия в международных процессах, его личная безопасность вторична) на уровень безопасности человека (социоцентричный подход, то есть безопасность человека приоритетна).

Другое направление в области исследований безопасности — теория эмансипации Уэльской школы, опирающаяся на марксизм с его требованием не только «объяснять мир», но и «изменить его», выдвинутая К. Бутом в начале 90-х гг. XX в. Представители этой теории полагают, что международная безопасность обеспечивается посредством механизмов, содержащихся в бытии и взаимодействии именно индивидов, а не их групп. Государство далеко не всегда защищает свободу и жизнь граждан: значительное количество войн последних лет были не межгосударственными, а гражданскими (Югославия, Сомали, Руанда, Судан). Поэтому исследователи должны фокусировать внимание не на абстрактном государстве, а на людях, составляющих его.

В работах представителей данной школы (К. Бут «Theory of World Security», 2007; В. Джонс «Security, Strategy, and Critical Theory», 1999) обоснован постулат о том, что безопасность в современных условиях не может быть достигнута посредством войн и революций, при доминировании с позиции силы, если безопасность одного актора определена незащищенностью другого. Напротив, система мировой безопасности может быть построена только на принципах свободы личностей и групп, освобождению их не только от войн и военной угрозы, но и от угнетения, бедности, малограмотности, болезней, экологических проблем. Следовательно, в исследуемой теории безопасность выступает как антропологическая необходимость. Осознавая некую утопичность своей концепции, авторы утверждают, что их задача — предложить направление развития, критически относясь к существующим порядкам.

Третье направление критических исследований в области безопасности — теория инсекьюритизации, предложенная Парижской школой (М. Фуко, П. Бурдье, Д. Биго). Представители данного утверждения настаивают на стирании грани между внутренней и внешней безопасностью. Безопасность трактуется как понижение уровня приемлемости угроз; попытка инсекьюритизации ежедневной жизни профессионалами и усиление политического потенциала к действию.

Результаты и обсуждение

Термин «безопасность» (от латинского *securitas* — «быть беззаботным») в доктрине обладает широкой трактовкой. Это разноуровневое понятие, которое включает в себя как отсутствие рисков опасности в целом, так и защиту от опасностей и угроз при их наличии.

В общем смысле безопасность служит объектом междисциплинарной области исследований, ориентированных на оценку, управление или предотвращение рисков в социальных, экологических, экономических или других вопросах. В широком смысле безопасность предполагает сдерживание рисков на уровнях, которые считают нормальными или приемлемыми, с учетом того, что риск не может быть полностью устранен ни в каком контексте; состояние, в котором субъект, индивидуальный или коллективный, не чувствует себя уязвимым, поскольку угроза не существует или он верит в то, что есть средства для ее устранения.

Классическое определение безопасности, сформулированное А. Вольферсом до окончания холодной войны, трактует безопасность как отсутствие угроз субъективным ценностям, которые будут различаться, в зависимости от политики безопасности, проводимой каждым государством [4]. Д. Болдуин уточняет его, говоря о низкой вероятности причинения вреда, поскольку всегда присутствуют элементы, которые невозможно контролировать и которые влияют на безопасность (например, стихийные бедствия) [5].

О. Уэйвер, Б. Бьюзен и ряд других исследователей Копенгагенской школы понимают безопасность как межсубъективный переговорный процесс. Для О. Вейвера безопасность — это самореферентное понятие, для большинства авторов критических исследований безопасности — производное понятие, не имеющее смысла само по себе, зависящее от объекта и атрибутивного значения [6]. А. А. Бартош указывает на то, что широкая трактовка термина «безопасность» предполагает шесть ключевых аспектов: «1) защищенность от рисков, опасностей и угроз либо отсутствие таковых; 2) систему отношений между субъектами, обеспечивающую благоприятные условия для их функционирования и развития; 3) состояние объекта, в котором ему не может быть нанесен существенный ущерб или вред; 4) состояние устойчивого существования (развития) объекта, при которых вероятность нежелательного изменения каких-либо характеристик (параметров) его жизнедеятельности (функционирования) невелика; 5) приемлемый уровень опасности, зависящий от затрат на ограничение действия иницирующих опасность факторов; 6) свойство объекта, характеризующее его способность не причинять другим объектам существенный ущерб или вред» [7, с. 13].

Сегодня термин «безопасность» включен в механизмы правового регулирования, его содержание закреплено нормативно. Так, модельные законы государств — участников СНГ предусматривают безопасность как состояние защищенности от опасностей, угроз, рисков (Модельный закон «О национальной безопасности», постановление Межпарламентской ассамблеи государств — участников СНГ от 28 октября 2022 г. № 54-5) и как систему мер, направленных на обеспечение гарантий защищенности от угроз в настоящем и будущем (Модельный закон «Об экологической безопасности», постановление Межпарламентской ассамблеи государств — участников СНГ от 15 ноября 2023 г. № 22-18).

Действующий в настоящее время в России Федеральный закон «О безопасности» от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ (в редакции федеральных законов от 5 октября 2015 г. № 285-ФЗ, от 6 февраля 2020 г. № 6-ФЗ, от 9 ноября 2020 г. № 365-ФЗ, от 28 апреля 2023 г. № 155-ФЗ, от 10 июля 2023 г. № 286-ФЗ) не содержит определение термина «безопасность», что, на наш взгляд, является

существенной недоработкой законодателя. В российском законодательстве безопасность определена как состояние защищенности объекта от угроз (п. 10 ст. 1 Федерального закона от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ «О транспортной безопасности», подп. 1 п. 5 раздела 1 Указа Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», ст. 1 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды»).

Однако российские исследователи (среди них — Д. С. Велиева, М. В. Пресняков, Г. В. Иващенко) критикуют изложенный в законодательстве подход, поскольку при формулировании определения понятия «безопасность» следует исходить не из «состояния», а из «деятельности»: общественные институты и население должны быть защищены от военных и невоенных угроз, что предполагает сохранение норм, правил, институтов и ценностей общества, при этом для достижения такой цели необходимы сознательные, преднамеренные и определенные действия [2, с. 23].

Проблематика, обусловленная определением видов безопасности, отчасти связана с неопределенностью понятия «безопасность». Хотя по данному вопросу консенсуса не достигнуто, полагаем, более корректно говорить не о видах, а об уровнях безопасности. Анализ научной литературы позволяет выделить три уровня: 1) уровень типов угроз и средств гарантии безопасности (военная, экологическая, социальная, экономическая); 2) пространственный уровень, охватывающий географическую область безопасности (национальная, международная, региональная); 3) уровень субъектов — тех, кто представляет угрозу, и тех, кто поддерживает безопасность.

Последний уровень, в свою очередь, представлен пятью ступенями в соответствии с традиционными объектами анализа в области отношений: 1) международные системы (организации); 2) международные подсистемы, которые могут быть региональными (например, Ассоциация государств Юго-Восточной Азии, ASEAN; Организация африканского единства, ОАЕ) или надрегиональными (Организация экономического сотрудничества и развития, ОЭСР; Организация стран-экспортеров нефти, ОПЕК); 3) единицы, в частности государства, нации, транснациональные корпорации; 4) подразделения, в том числе группы лиц внутри единиц, которые владеют ресурсами или пытаются влиять на их поведение (например, политические партии, различные лобби); 5) отдельные физические лица.

Остановимся подробнее на первом уровне. Б. Бьюзен подразделил безопасность на пять секторов: военный, политический, экономический, социальный и экологический [8, с. 219]. Военный сектор относится к военному взаимодействию между государствами в рамках защиты или нападения на государственный суверенитет. Политический — предусматривает организационную стабильность государств, систему правления, идеологию и суверенитет. Экономический — предполагает доступ и контроль над материальными и финансовыми ресурсами, необходимыми для поддержания приемлемого уровня благосостояния. Социальный — связан с вопросами сохранения и поддержания базовых ценностей, таких как язык, культура, религия, национальная идентичность, обычаи и традиции. Экологический — включает в себя проблемы по сохранению природной среды или экосистемы как элемента поддержки иной деятельности человека.

Представленное разграничение безопасности позволяет установить и изучить экзистенциальную угрозу, выработать меры предотвращения. Однако эти пять секторов следует рассматривать во взаимодействии друг с другом.

Обратим внимание на то, что О. Вейвер переосмыслил идею Б. Бьюзена, согласно которой концепция безопасности в пяти секторах всегда относится к государству и его суверенитету как к единственному референтному объекту.

Он выделил два референтных объекта, государство и общество: государственная безопасность, объединяющая политический, военный, экономический и экологический секторы, будет относиться к государству, его суверенитету, а социальная (общественная) безопасность — к обществу, его идентичности.

Вейверрианской бинарной системой безопасности государство/общество не предусмотрено в качестве референтного объекта человеческой личности. Вместе с тем гуманистическое измерение, на которое ориентированы современные государства, позволяет нам воспринимать и анализировать безопасность через три режима, организованные вокруг трех различных полюсов: от государства до человека через общество. С этой точки зрения, национальная безопасность входит в кластер безопасности национального государства в военно-политическом аспекте защиты границ и территориальной, политической, экономической целостности. Социальная безопасность, в свою очередь, относится к способности общества сохранять основные идеологические характеристики в изменяющемся контексте. Безопасность личности тяготеет к благополучию человеческих сообществ через измерения, которые не включены в понятия национальной безопасности или общественной безопасности, а значит, она связана с безопасностью личности как человеческого существа. Следовательно, безопасность начинает рассматриваться не только с точки зрения отсутствия физического насилия, но и с точки зрения гарантии прав, возможностей и качества жизни окружающих, условий, связанных с благополучием и целостным развитием каждого.

Таким образом, следует согласиться с мнением Д. В. Ирошникова о том, что «отождествление законодателем в Федеральном законе “О безопасности” категории “безопасность” и понятия “национальная безопасность” есть теоретическая ошибка» [9, с. 25]. Эти понятия соотносятся как общее и частное. К тому же понятие «безопасность» есть результат взаимопроникновения и взаимовлияния свойств ее компонентов (концепций, уровней, видов, референтных объектов, экзистенциальных угроз и т. п.). Данная общенаучная синтетическая категория выступает теоретико-методологической основой познания и выделения ряда родовых понятий: «национальная», «общественная», «экологическая», другая безопасность. Иное восприятие безопасности будет ограничивать теоретическое осмысление и практическое решение тех или иных проблем обеспечения безопасности.

Выводы

Проведенное исследование позволило выявить три основных концептуальных подхода к пониманию безопасности: а) классический (традиционный), исходящий из приоритета безопасности государства в основном военными средствами; б) экстензионистский, включающий в себя военные, политические, экономические, социальные и экологические аспекты с антропоцентрическим уклоном; в) критический, который ставит под сомнение два предыдущих, указывая на то, что они основаны на принципе безопасности как объективной реальности, не возражая против ее субъективной природы.

В академической литературе термин «безопасность» определен как деятельность по преодолению (предотвращению) угроз; как совокупность угроз либо как состояние защищенности. Каждый из существующих подходов раскрывает различные аспекты безопасности, что еще раз указывает на сложный, синтетический характер исследуемой научной категории.

Иерархия или система основных ценностей, которые необходимо защищать, могут варьироваться, в зависимости от эпохи и места, как и средства, применяемые для защиты этих ценностей. Представления о том, что означает слово

«безопасность», могут изменяться, в зависимости от структурирующих ценностей, а в более общем плане — в зависимости от культурной среды, которая их формирует и порождает. В настоящее время подходы к определению термина «безопасность» выводят дискурс за рамки традиционных угроз, с которыми сталкивается государство, к угрозам, ориентированным на человека или личность.

Таким образом, переосмысленная концепция безопасности учитывает не только государства и их соответствующие отношения, но и отношения между личностью, обществом и государством, их пересекающееся восприятие угроз, которые стали многообразными и разнонаправленными. С учетом этой точки зрения традиционное понятие безопасности, сводящее безопасность исключительно к безопасности государства и государственного аппарата как такового и для себя самого, постепенно трансформировалось в более широкое понятие «безопасность человеческих сообществ».

Сегодня, с увеличением референтных объектов и видов угроз, безопасность из сугубо политической концепции все больше трансформируется в комплексную (синтетическую) научную категорию. Термин «безопасность» включен в механизмы правового регулирования, его содержание закреплено нормативно. Необходимо концептуализировать понятие «безопасность» таким образом, чтобы не сводить все экологические, социальные, экономические или иные проблемы человечества к категории безопасности.

Полагаем, безопасность целесообразно рассматривать как систему рационального управления страхами (субъективно-иррациональный аспект) и угрозами (объективно-рациональный аспект) посредством мер различного характера, определенных в нормативных правовых актах для каждого сектора и референтного объекта, последовательно реализуемых государственными и негосударственными акторами.

Список источников

1. *Ирошников Д. В.* Безопасность как правовая категория: концептуальная модель: монография. М.: Русайнс, 2023. 454 с.
2. *Корабельникова Ю. Л.* Основные подходы к пониманию безопасности // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 3. С. 18–25. DOI: 10.24412/2072-9391-2022-363-18-25
3. *Чудинов С. И.* Проблема объективных и субъективных аспектов безопасности // Общество: философия, история, культура. 2015. № 6. С. 47–50.
4. *Wolfers A.* “National security” as an ambiguous symbol // Political Science Quarterly. 1952. Vol. 67. No. 4. P. 481–502. DOI: 10.2307/2145138
5. *Baldwin D.* The concept of security // Review of International Studies. 1997. Vol. 23. No. 1. P. 5–26. DOI: 10.1017/S0260210597000053
6. *Юдин Н. В.* Расширение проблематики исследований безопасности // Международные процессы. 2017. Т. 15. № 1. С. 60–78. DOI: 10.17994/IT.2017.15.1.48.6
7. *Бартош А. А.* Основы международной безопасности. Организации обеспечения международной безопасности: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2019. 321 с.
8. *Григорьева К. С.* Теоретические дебаты о секьюритизации и их влияние на разработку программ эмпирических исследований // Гуманитарий Юга России. 2021. Т. 10. № 5. С. 217–229. DOI: 10.18522/2227-8656.2021.5.15
9. *Ирошников Д. В.* Еще раз о соотношении категории «безопасность» и понятия «национальная безопасность» в правовой доктрине и действующем законодательстве Российской Федерации // Национальная безопасность России: актуальные аспекты: сб. избранных ст. Всерос. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 29 сентября 2021 г. / ред. Ю. Ф. Эльзессер. СПб.: Гуманитарный национальный исследовательский институт «Нацразвитие», 2021. С. 22–27. DOI: 10.37539/NB193.2021.15.79.005

References

1. Iroshnikov D.V. Security as a legal category: A conceptual model. Moscow: RuScience; 2023. 454 p. (In Russ.).
2. Korabelnikova Yu.L. Basic approaches to understanding security. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii = Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2022;(3):18-25. (In Russ.). DOI: 10.24412/2072-9391-2022-363-18-25
3. Chudinov S.I. The problem of objective and subjective aspects of security. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura = Society: Philosophy, History, Culture*. 2015;(6):47-50. (In Russ.).
4. Wolfers A. "National security" as an ambiguous symbol. *Political Science Quarterly*. 1952;67(4):481-502. DOI: 10.2307/2145138
5. Baldwin D. The concept of security. *Review of International Studies*. 1997;23(1):5-26. DOI: 10.1017/S0260210597000053
6. Yudin N.V. Expanding the scope of security research. *Mezhdunarodnye protsessy = International Trends*. 2017;15(1):60-78. (In Russ.). DOI: 10.17994/IT.2017.15.1.48.6
7. Bartosh A.A. Fundamentals of international security. International security organizations. 2nd ed. Moscow: Yurait; 2019. 321 p. (In Russ.).
8. Grigoryeva K.S. Theoretical debate about securitization and its impact on the design of empirical research programs. *Gumanitarnii Yuga Rossii = Humanitarians of the South of Russia*. 2021;10(5):217-229. (In Russ.). DOI: 10.18522/2227-8656.2021.5.15
9. Iroshnikov D.V. Once again about the relationship between the category "security" and the concept of "national security" in the legal doctrine and current legislation of the Russian Federation. In: National security of Russia: Current aspects. Proc. All-Russ. sci.-pract. conf. (St. Petersburg, September 29, 2021). St. Petersburg: Humanitarian National Research Institute "Natsrazvitie"; 2021:22-27. (In Russ.). DOI: 10.37539/NB193.2021.15.79.005

Информация об авторах

А. В. Далинин — заведующий кафедрой уголовного права и процесса, кандидат юридических наук, доцент; 190020, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а;

В. Д. Кучеров — аспирант кафедры уголовного права и процесса; 190020, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а;

О. И. Окунев — аспирант кафедры уголовного права и процесса; 190020, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а.

Information about the authors

A. V. Dalinin — Head of the Department of Criminal Law and Procedure, PhD Law, Associate Professor; 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190020, Russia;

V. D. Kucherov — postgraduate student at the Departments of Criminal Law and Procedure; 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190020, Russia;

O. I. Okunev — postgraduate student at the Departments of Criminal Law and Procedure; 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190020, Russia.

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 31.10.2023; одобрена после рецензирования 24.11.2023; принята к публикации 20.12.2023.

The article was submitted 31.10.2023; approved after reviewing 24.11.2023; accepted for publication 20.12.2023.